

Екатерина **ВИЛЬМОНТ**

~~Мужлан~~
Флейтистка

Екатерина Николаевна Вильмонт

Мужлан и флейтистка

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39503032

Мужлан и флейтистка / Екатерина Вильмонт: АСТ; Москва; 2019

ISBN 978-5-17-107646-7, 978-5-17-107647-4

Аннотация

Федор Федорович Свиридов весьма успешный и удачливый человек, но чудовищно одинокий. Потеряв в одночасье почти все – дом, семью, где осталась любимая дочка, – он берет к себе осиротевшего пса по кличке Апельсинич. И вот встретились два одиночества и беззаветно друг друга полюбили. Но в жизни Федора Федоровича появляется прелестная флейтистка...

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	23
Глава третья	35
Глава четвертая	44
Глава пятая	51
Глава шестая	65
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Екатерина Вильмонт

Мужлан и флейтистка

© Вильмонт Е.Н., 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Глава первая

– Федор Федорович у себя?

– У себя, – кивнула секретарша.

– Принимает?

– Нет.

– Натуля, мне по личному делу буквально на три минутки!

Секретарша опять кивнула.

– Попробую. Федор Федорович, к вам Юрий Викторович

по личному делу на три минутки.

– Хорошо. Приму.

Юрий Викторович поспешно открыл дверь кабинета.

– Федор Федорович, прости, что я так...

– Да ладно, Юра, я рад тебя видеть. Что случилось?

– Федор Федорыч, ты когда в Москву?

– Да завтра, с утра.

– Просьба у меня нижайшая. Я только позавчера узнал, что в Москве умер мой старый друг. Умер уж почти год назад, а я не знал. Такая жизнь собачья... Все некогда...

– Так в чем просьба-то?

– Можешь передать его матери деньги? Я когда-то... вернее, мы в юности поклялись, что если кто-то из нас помрет, другой, чем сможет, поможет матери. Времена такие были...

– Святое дело!

– Вот конверт. Здесь десять тысяч долларов.

– Щедро!

– Сам же говоришь – святое дело.

– Хорошо, передам. Адрес, телефон?

– Все в конверте.

– Понял. А там жена, дети есть?

– Жена уехала в Европу. Детей нет.

– А ты уверен, что мать жива?

– Уверен-уверен! Я позвонил Пашке, хотел с днем рождения поздравить... Ну и узнал...

– Слушай, а перевод послать не проще было бы?

– Да нет, не проще. Мало ли, на почту пойдет старуха, ее и ограбить могут, мало ли... А ты уж не сочти за труд, тем более она живет в двух кварталах от тебя.

– Все! Нет вопросов, передам.

– Соскучился по семье-то?

– Конечно, больше двух месяцев дома не был. По дочке очень скучаю... Растет фактически без отца...

– А ты надолго?

– Может, и насовсем.

– Как? – побледнел Юрий Викторович.

– Да вот предлагают в Москве в головной конторе поработать.

– Федор Федорыч, ты что! Здесь же без тебя все может прахом пойти...

– Ну уж и прахом... По-моему, я тут все хорошо отладил. И ты на что? Кстати, пока меня не будет, ты пригляди за

Хлыновым. Он мужик толковый, но чересчур горячий, как бы дров не наломал.

– То есть ты еще вернешься?

– Ну а как же! Даже если останусь в Москве работать, все равно не брошу на произвол судьбы то, что сам создал практически с нуля.

– Эх, Федор Федорыч, не чиновный ты человек, тебя в Москве сожрут!

– Подавятся, – невозмутимо ответил Федор Федорович.

– Так ты уже решил?

– Ну, в общем... А впрочем, поглядим, что там и как.

– Сам же говоришь, тут все с нуля...

– То-то и оно. Пора еще где-то с нуля начинать, пока еще силенки есть и запал не исчез.

– То есть...

– Отстань, Юра, сам еще ничего не знаю.

В этот момент заглянула секретарша:

– Юрий Викторович, вас там обыскались...

– Иду! Ну, Федор Федорович, бывай!

– И ты! Как передам конверт, свяжусь с тобой.

– Спасибо!

Федор Федорович Свиридов лукавил, говоря, что соскучился по семье. Скучал он только по дочке, даже не столько скучал, сколько чувствовал угрызения совести в связи с нею. Кем ее вырастят эти бабы, жена и теща? Жену он не любил,

а тещу вообще ненавидел. Жена Вера, красивая блондинка, наверняка ему изменяет, как-то отстраненно и холодно думал он, впрочем, и он не хранил ей верность. Мы оба живые люди, вернее, организмы, я бываю в Москве редко, так какие претензии у меня могут быть? Уезжать из Москвы Вера отказалась наотрез, что ж... Пусть. А дочке уже восемь лет, боюсь, она уже многое понимает. Я общаюсь с ней по скайпу часто, она хорошенькая и умненькая, ей важно знать, что у нее есть папа и мама, ну и ладно. Значит, так и будем жить. Хотя если меня переведут в Москву... наверняка с большим повышением. Вера этому обрадуется. Нет, не моему постоянному присутствию, а повышению по службе. Будет хвастаться перед подружками... Потребуется переезда в новую большую квартиру, хотя и сейчас у нас квартира хорошая. Будет канючить... Тоска! Нет, лучше попрошусь на какой-нибудь дальний объект, хоть в Африку...

Все эти мысли одолевали его в самолете. Жену он всегда предупреждал о своем приезде, чтобы не попасть в положение мужа, внезапно вернувшегося из командировки. Встретить в аэропорт она не приедет, но дома его будет ждать хороший обед и бурные ласки, которые должны свидетельствовать о неукоснительной верности истосковавшейся супруги. Ха! Ну что ж, бывает и хуже.

Из головного офиса за ним прислали машину. Ого! Значит, повышение явно будет. Что ж, это неплохо. Впрочем,

поживем-увидим, что от меня за это потребуется.

Жена повисла у него на шее.

– Феденька! Приехал! Как я соскучилась, если б ты знал!

– А где Сашурка?

– На даче, с мамой, – многозначительно-томным голосом проговорила жена. – Ну, мы же так давно не были вместе, Федечка, я уж вся извелась без тебя.

Непохоже, подумал Федор Федорович, но промолчал.

– Ну садись, ты небось голодный? Как ты там вообще питаешься?

– Нормально питаюсь.

– Скажи, а ты надолго к нам?

– Боюсь, надолго.

– Недельки на две?

– Да нет, может статься, что и насовсем. Переводят меня в Москву.

Жена побледнела, но тут же попыталась сыграть радость несказанную.

– Правда? Наконец-то! Счастье-то какое! Вот Сашурка-то обрадуется! А что ты тут делать будешь? В министерство пойдешь или...

– Этот вопрос еще будет решаться.

– Но ты на свой объект уже не вернешься?

– Вернусь, конечно, надо же будет передать дела и вообще... Я ж его не брошу.

После действительно вкусного обеда жена начала ластить-

ся к нему вполне недвусмысленно, а он был еще достаточно молод, чтобы не остаться равнодушным к ласкам красивой женщины.

Вечером он позвонил по телефону, данному Юрием Викторовичем. Ответил женский голос, какой-то неуверенный, как показалось Федору Федоровичу.

– Алло, я вас слушаю!

– Добрый вечер! Могу я поговорить с Елизаветой Марковной?

– Я у телефона. А вы кто?

– Елизавета Марковна, я к вам по поручению Юрия Коломенского.

– Юра Коломенский?

– Ну да.

– А разве он... в России?

– Да-да! Мы с ним вместе работаем и он просил меня передать вам кое-что в память о... его друге.

– Да? Это очень мило с его стороны. Он звонил мне недавно. Но я почему-то решила, что он за границей.

– Елизавета Марковна, вы позволите завтра в первой половине дня зайти к вам?

– Разумеется. А как вас зовут, голубчик?

– Федор, Федор Свиридов.

– А по батюшке?

– Федорович.

– То есть Федор Федорович?

– Совершенно верно.

– Федор Федорович, если вас не очень затруднит, могли бы вы прийти часиков в одиннадцать?

– Да, очень хорошо! Я живу в двух кварталах от вас. Ровно в одиннадцать буду. Адрес у меня есть.

– Бесконечно вам благодарна.

– Да не за что. До завтра.

– Куда это ты с утра завтра намылился? – полюбопытствовала Вера.

– Юрка Коломенский попросил передать какие-то документы матери его покойного друга. А уж оттуда на дачу, к Сашурке.

– Феденька, а у тебя отпуск-то будет?

– Конечно. Может, махнем куда-нибудь к морю? Шурка говорила, что научилась плавать. Да и вообще, хочется погреться на солнышке.

– Хорошо бы, но...

– Какое «но»?

– Видишь ли, Федя, мне врач не рекомендовал пока ехать на юг.

– Врач? А что с тобой?

– Ничего особенного... Это по женской линии... Сказал, в этом году лучше не надо... Может, ты вдвоем с Шуркой поедешь?

– Даже так? Что ж, поеду, – в душе Федор Федорович возликовал. Поехать к морю вдвоем с дочкой – просто мечта.

– Но если она будет тебе в тягость, возьми с собой маму.

– Маму? – взвился Федор Федорович. – Чтобы я там утопился? Да ни за что на свете! И как это Шурка может мне быть в тягость? А маму свою... отправь в какой-нибудь санаторий. Пускай там со старперами сюсюрится!

Федор Федорович и вообще-то терпеть не мог свою тещу, по многим причинам, но особенно, до зубовного скрежета, его раздражали некоторые ее словечки, такие как, например, «сюсюрики» и производные от него, а еще «кукусики». В устах тещи эти слова могли означать все что угодно. Иной раз, когда к Шурке приходил кто-то из детишек и они не в меру резвились и шумели, теща говорила снисходительно: «Ну и что? Пусть кукусики посюсюрятся!» Федор Федорович готов был ее убить. Впрочем, теща отвечала ему взаимностью. И за глаза говорила о нем «серость непроцарапанная!». Она была твердо уверена, что дочь ее достойна куда лучшего мужа, более богатого, более гламурного, или, по крайней мере, знаменитого.

Утром Федор Федорович тщательно побрился. И вышел из дому за полчаса до назначенного времени, хотел по дороге купить цветы. Он подумал, что старой женщине это будет приятно. Интересно все-таки, почему Вера отказалась ехать на юг? Он как-то слабо верил в запрет врачей. Скорее уж у нее какой-то роман и она жаждет сбегать мужа и дочку. Ну что ж, сделаю вид, что поверил. А поехать к морю вдвоем

с дочкой – просто идеальный вариант. Он думал обо всем этом как-то отстраненно, холодно. Как-то это все, вероятно, неправильно... Неправильно не ощущать даже укола ревности, разве что легкую брезгливость... которая, впрочем, не помешала ему вчера днем, а потом еще и ночью воспользоваться своими супружескими правами. Нужна женщина, так почему бы и нет?

– Федор Федорович? – донеслось из-за двери.

– Да! Елизавета Марковна, это я!

На пороге стояла пожилая женщина со следами былой красоты на безнадежно увядшем интеллигентном лице и неуверенно улыбалась.

– Здравствуйте, проходите, пожалуйста, в комнату. О, вы с цветами... Это мне? Как мило... Хотите кофе?

– С удовольствием, – неожиданно для самого себя согласился Федор Федорович.

– Садитесь, прошу вас! Какой вы большой, просто Илья Муромец!

– Да что вы! – рассмеялся Федор Федорович. – Ну на Илью Муромца я все-таки не тяну, хотя бы уж потому, что сидеть на печи тридцать лет и три года для меня неприемлемо. Но за сравнение спасибо!

– Минутку, и я подам кофе!

Хозяйка вышла из комнаты. Федор Федорович огляделся вокруг. Комната была обставлена старомодно, но очень уют-

но. На стенах картины и фотографии в большом количестве, шелковый абажур над круглым столом и всюду книги, книги... Ему вдруг стало хорошо здесь. А почему – пойдй поймай.

Вскоре вернулась хозяйка с подносом, на котором стоял фарфоровый кофейник, чашки, сахарница и сливочник.

– Вот, прошу вас! Ох, я растяпа...

Елизавета Марковна вынула из старинного буфета красного дерева вазочку с печеньем.

– Ох, я уж и забыл, что существуют такие кофейники! Здорово! Спасибо!

Она налила в изящную чашку кофе.

– Берите сахар, сливки...

– Благодарю вас, но я предпочитаю черный кофе.

– Ну как вам будет угодно, а я люблю со сливками и сладкий...

– Елизавета Марковна, у вас так хорошо, уютно, что я чуть не забыл, зачем, собственно, явился. Вот! – он протягивал ей пухлый конверт. – Юра просил вам передать.

– А что это? – слегка испуганно спросила старая женщина.

– Это деньги. Десять тысяч долларов.

– Что? Вы с ума сошли?

– Да я-то здесь при чем? Юра сказал, что они с вашим сыном когда-то договорились... Если с кем-то из них что-то случится, во что бы то ни стало помочь матери.

– Боже мой! Они об этом думали? – по щекам ее катились

крупные слезы. – Но это же огромные деньги...

– Да, сумма существенная...

– Но что же мне с ними делать? – растерянно спросила Елизавета Марковна.

– Ну, для начала поменять какую-то сумму на рубли, а остальное лучше все-таки положить в банк.

– Боже мой! – она сжала пальцами виски. – Но в какой именно? Я совсем не разбираюсь... Кругом только и слышишь – тот банк прогорел и этот...

– Есть еще вариант – снять в банке ячейку и хранить там. Вы теряете проценты, но зато это без риска. И еще совет. Ни одной живой душе не говорите об этих деньгах.

– Знаете, Федор Федорович, я просто в панике...

– Елизавета Марковна, не нужно паниковать! – улыбнулся Федор Федорович. – Вы сейчас хорошенько спрячьте деньги и подумайте до понедельника, как вы ими распорядитесь.

– А в понедельник?

– А в понедельник, если угодно, я за вами заеду и помогу вам либо открыть счет в банке, либо снять ячейку.

– Боже мой, вы так любезны...

– Просто когда у женщины появляются деньги и это приводит ее в панику, то она нуждается в некотором разумном руководстве, – ласково улыбнулся Федор Федорович.

– Вы чудесный человек, Федор Федорович! – и она погладила его по руке.

– Я думаю, с вами мало кто согласился бы.

– А ваша жена?

– О, она в последнюю очередь! – рассмеялся Федор Федорович.

Елизавета Марковна очень пристально смотрела на него.

– Хорошо, Федор Федорович, я сделаю так, как вы советуете, и если вас это не слишком затруднит, я с удовольствием приму вашу помощь. И прошу вас, передайте Юре мою бесконечную благодарность. Вы скоро его увидите?

– Не знаю еще. Я приехал в Москву за новым назначением.

– Ох, я даже не спросила от испуга, чем, собственно, вы занимаетесь.

– Строительством газопроводов.

– О, кажется, сейчас это весьма актуально?

– Это всегда актуально, дорогая моя Елизавета Марковна. Я, пожалуй, пойду и позвоню вам в воскресенье вечером. А кофе у вас отменный!

Машина Федора Федоровича стояла в гараже на даче, поэтому он вызвал такси. Хотелось поскорее увидеть дочку, но мысль о встрече с тещей, особенно после визита к Елизавете Марковне, внушала глубокое отвращение. Знала Вера, что не стоит знакомить меня с матерью до свадьбы, чуяла. А я ведь не женился бы на ней, если б заранее познакомился с будущей тещей. Но тогда у меня не было бы моей Шурки... И так как он не привык тратить время зря, то достал теле-

фон и углубился в изучение возможностей туристического рынка. Куда бы поехать с дочкой? Турцию и Египет он от-мел сразу. Пожалуй, наиболее приемлемым вариантом был Кипр. Хотя сейчас, конечно, поздновато, все путевки наверняка расхvatаны уже, но если обратиться к Ксении в министерстве, она поможет. У них там всегда есть какие-то варианты, бронь, то, се...

Машина остановилась. Приехали!

Калерия Степановна возилась в саду.

– Добрый день, Калерия Степановна!

– А, зятек! Соизволил прибыть... Ну здравствуй!

– А Сашурка где?

– Да у подружки, тут за три дома.

– Скоро придет?

– К обеду должна.

– Я ей позвоню.

– А она телефон забыла, растеряха.

– Пойду схожу за ней.

– Да не стоит, пусть с подружкой посюсюритя, сама придет. Ну, надолго к нам пожаловал, кукусик?

Федор Федорович скрипнул зубами. Сколько раз он просил не называть его кукусиком!

– Не знаю еще, может и навсегда.

– Нешто тебя с работы погнажи?

– Не дождетесь! Я вот что хотел спросить: что там у Веры

со здоровьем? Она мне сказала, что врачи не разрешают ей ехать сейчас на юг.

Глаза у тещи хитро блеснули.

– Ага! Точно. Они там у ней какую-то бабскую хворобу насюсюрили... Лечится. Просто в ближайшие месяцы сюсюриться на юге не советуют.

– Понял. Ладно, пойду машину погляжу.

– Вот-вот, пойдди, кукусик, погляди...

Я хочу ее убить! И любой суд меня оправдает!

Его любимая коричневая «Вольво» стояла в гараже. Он сел и вдруг ощутил какой-то чужой запах. Вера машину не водит, и это не был запах женских духов. Это был явный запах табака. Федор Федорович бросил курить уже пять лет назад и запах табака распознавал на раз. И какого черта я все это терплю? Из-за дочки? Но ведь она растет и скоро начнет понимать всю лживость этой семьи. И надо ее спасать от кукусигов и сюсюригов. Но что я могу? Впрочем, я многое могу, уйти из дома, снять квартиру, забрать дочку и машину, квартиру и дачу оставить этим бабам, найти для дочки хорошую няню... Это все вполне реально. Работы мне в любом случае предстоит непочатый край. А возвращаться каждый божий день и слышать вранье жены, а по выходным сюсюриться с тещей? Нет, не могу больше! Он опять заскрипел зубами. Ладно, пока не определюсь с работой, никаких шагов предпринимать не стану. А вдруг меня пошлют на какой-то новый объект? Хорошо бы... Встреча в министерстве

назначена на вторник. Вот и поглядим.

Он вылез из машины с ощущением, что ее осквернили.
Продам ее к чертям, не хочу!

Вошел в свою комнату. И тут же услышал:

– Иди, кукуся, там твой папашка приехал!

Он ожидал услышать восторженный дочкин вопль, но его не последовало.

– Сашурка! Где ты? Э, да что с тобой?

Девочка стояла в дверях и глядела на него исподлобья.
Как-то обыченно.

– Сашка, ты чего? – растерялся Федор Федорович.

– Здравствуй, папа.

– Шур, ты чего? Обиделась? На что? Мы же с тобой на днях говорили по скайпу... Я что-то не то сказал?

– Да нет, папа... Просто... А, ладно...

И она бросилась к нему в объятия.

Он подхватил ее на руки, прижал к себе, покрыл поцелуями лицо.

– Сашка, детка моя, как я соскучился! А ты чего мне козью морду тут строила, а?

– Бабушка сказала, что обниматься и целоваться со взрослыми мужчинами нельзя.

– Здравсьте. Я ваша тетя! Я же твой отец... Вот дура!

– Это ты про бабушку?

– Ладно, проехали! Сашурка, хочешь поехать к морю, со мной вдвоем?

– К морю? А мама?

– А мама не может. Ей врачи запрещают сейчас ехать на юг. Я вот думаю на Кипр поехать...

– К морю хочется... Но ты же там будешь за тетками бегать, а я буду одна сюсюриться...

– Что за бред? Когда это я бегал за тетками, а тебя одну оставлял?

– Мама с бабушкой говорили, что неплохо было бы меня отправить к морю с тобой...

– И бабушка сказала про теток?

– Да!

– Это все чепуха! Ты что, своему папке не доверяешь?

– Я не знаю... – растерянно пробормотала девочка.

Он рассердился.

– Короче, я спрашиваю в последний раз: мы едем к морю или нет?

– А когда?

– В ближайшие дни, самое позднее на той неделе. У меня отпуск с понедельника. Так мне заниматься путевками? Или барышня не желает?

– Пап, я не знаю... А если я не поеду?

– А можно узнать почему?

– А бабушку нельзя взять?

– Нельзя! – отрезал Федор Федорович.

– Пап, ну...

– Обещаю за тетками не бегать!

– Бабушка говорит, ты бухать будешь... и чего доброго, не углядишь за мной, а я утону...

– Все! Вопрос закрыт. Ты никуда не едешь!

– А ты?

– А я непременно поеду и буду там бухать и бегать за тетками и утону с пьяных глаз, о чем, вероятно, мечтает твоя бабушка! Все! Меня это достало!

Он побежал в гараж, сел в машину и уехал. Его трясло! Что это за люди, что за жизнь я себе устроил! Но нет, я не дамся! Эти суки восстанавливают ребенка против отца. Я им чем-то мешаю? Но ведь я так редко бываю в Москве... Да, Федор Федорович, умеешь ты устраиваться. Может, если б сегодня я не провел полтора часа у Елизаветы Марковны, в ее скромном и в высшей степени интеллигентном доме, так напомнившем мне дом приемной матери, я бы так не взбесился? Ерунда! Просто чаша переполнилась... Но как бы там ни было, а Шурку надо спасать. Во что она превратится в скором времени? Даже представить себе тошно... Мысль о возвращении домой была непереносима. Впрочем, жена говорила, что сегодня поедет на спа-процедуры. Вот и отлично! Заеду домой, соберу самое необходимое на первое время и сниму номер в гостинице. А там уж буду думать о дальнейших шагах. В критические минуты он умел собираться и принимать, как правило, верные решения. Так он и сделал. Взял вещи, окинул прощальным взглядом квартиру, которую когда-то даже любил, нашел в Интернете небольшой

отель в одном из Сретенских переулков, завез туда вещи и первым делом занялся продажей машины. Я же начинаю новую жизнь, без кукусигов и сюсюригов!

Глава вторая

Он с наслаждением поужинал в хорошем ресторане, выпил триста граммов водки, так, для аппетита, потом заказал такси и поехал в гостиницу. Номер был небольшой, но уютный. Ах, хорошо! Вот разберусь с новым назначением и уйду в отпуск. Поеду все-таки к морю. А они не хотят, ну и не надо. Он долго стоял под душем, смывая с себя липкую гадость сегодняшнего дня. Потом лег в постель и включил телевизор. Там был футбол! Федор Федорович был равнодушен к футболу, он любил хоккей, в футболе ему доставало темпа, но тем не менее обрадовался. Смешно, ей-богу! И вдруг позвонила жена. Он помедлил, но все же решил ответить.

– Федя, что это значит? Где ты?

– Меня нет. Ты можешь быть абсолютно свободна, зачем тебе такой муж?

– Ты о чем? Что у тебя вышло с Сашкой?

– Она отказалась со мной ехать. Твоя матушка постаралась! Объяснила внучке все про папу, который будет бухать, бегать за тетками, а ребенок утонет... И вообще папаша у нее серость непроцарапанная...

– Послушай, Феденька, ты же знаешь маму...

– Знаю. И маму, и тебя. Скажи честно, какой гламурный персонаж маячит на горизонте?

Он сам удивлялся, как спокойно и насмешливо звучит его

голос. Он и в самом деле не кричал, не бесился... И это здорово напугало Веру.

– Федя, ну что ты завелся? Какой такой персонаж, о чем ты?

– А тот, который курил в моей машине, да еще имел наглость ездить на ней!

– Что за чепуха! Никто на ней не ездил! – довольно фальшиво воскликнула Вера. – И вообще, что происходит?

– Уже произошло!

– Что произошло?

– Я от тебя ушел! Квартиру и дачу я оставляю тебе, на Сашку буду давать деньги, на все, что ей необходимо, а ты, пожалуйста, походи поработай, вряд ли тип, которому охота покрасоваться в чужой машине премиум-класса, сможет достойно содержать тебя с твоей мамашей!

– Федя!

– Федя съел медведя!

И он швырнул трубку. Он нарочно не сказал ей, что намерен забрать дочь. А то они там насочиняют про него таких гадостей... Накукусят и насюсюрят столько, что никому мало не покажется!

И хотя сегодня рухнула его налаженная и, казалось бы, вполне благополучная жизнь, ему почему-то было весело. Раз, Федя, и ничего у тебя нет! Ни работы, ни жилья, ни семьи... А тебе, дураку, серости непроцарапанной, весело! Однако не зря он считался незаурядным организатором. Он

отыскал телефон одного старого друга, блестящего адвоката, и позвонил.

– Алло, Илья Станиславович, ты?

– Неужто сам господин Свиридов вспомнил о нашей малости? Рад! Душевно рад! Как дела, Федя?

– Да идут дела. Вот еще одно дело возбудить задумал.

– Я не ослышался?

– Да нет! Разводиться хочу!

– Давно надумал?

– Сегодня.

– И сразу к адвокату? Чего делить хочешь?

– Ничего! Все движимое и недвижимое оставляю ей. Ребенка хочу забрать.

Илья Станиславович рассмеялся.

– Чего смеешься?

– Знаешь, я помню, ты как-то лет пять назад рассказывал про свою тещу. Какие у нее там любимые словечки были, за которые тебе хотелось ее убить? Одно я запомнил – сюсюрики! Супер! Я тогда еще подумал – не вынесет Федька мысли о том, что его дочурка тоже будет про сюсюриков говорить...

– Говорит уже! Надо забирать... Поможешь?

– Я бракоразводными делами не занимаюсь, но могу порекомендовать коллегу. Она в этих делах собаку съела, можно сказать, ротвейлера...

– Спасибо, друг!

– А ты сейчас в Москве, что ли?

– Да, приехал за новым назначением, может еще в Москве и останусь.

– Это было бы хорошо, в интересах дела, коль скоро речь пойдет о ребенке.

– Да, ты прав, – вдруг обрадовался Федор Федорович. – Конечно.

– Но все же предварительно дам кое-какие рекомендации.

– Внимательно слушаю.

– Чтобы отобрать ребенка у матери, ты должен, как минимум, иметь постоянную работу и постоянное, не съемное, жилье. С репутацией, как я понимаю, у тебя пока все в порядке.

– Почему пока? – фыркнул Федор Федорович.

– Да кто ж тебя знает, может, на свободе в загул уйдешь... И еще, имей в виду, такие бабы запросто могут и слезку за тобой устроить, а оно тебе надо? Поэтому пока твой статус не определен, давай регулярно бабки, не жмись, и ни словечка не говори о том, что хочешь забрать ребенка. Пусть пока живут спокойно, расслабятся, а ты между тем собирай компромат на жену...

– Вот еще, гадость какая!

– И еще... Прости за вопрос... Ты с ней спал, когда приехал?

– Было дело, а причем тут это?

– Она может недельки через три заявить, что беременна, даже если ты предохранялся, неважно...

– Тьфу ты черт...

– Слушай сюда! Это обычная уловка баб в такой ситуации.

Не попадайся на нее.

– Да ни за что!

– Если все же она к этой уловке прибегнет, скажешь, что если хочет рожать, пусть, ты будешь давать деньги, а после рождения ребенка сделаешь экспертизу. Если ребенок окажется твой, признаешь его, будешь давать опять-таки деньги, и все. Поверь, деньги тут ключевое слово. И советую еще: отстегни сразу серьезную сумму на первое время. Чтоб поменьше хлопали крыльями. И не заявляй сейчас, что желаешь регулярно видеть дочь. Месяц-другой не появляйся там. И подай на развод. Поскольку сейчас ничего делить с ними не собираешься, вас разведут легко. Она, конечно, может не давать развода...

– Думаю, даст! Ей мама объяснит, что ей не нужен такой муж, которого никогда нет дома, и вообще, он серость непроцарапанная...

– Чего? – поперхнулся Илья Станиславович. – Кто ты?

– Серость непроцарапанная!

– Во дают! Ты же, если мне не изменяет память, доктор наук?

– Технических! В их глазах это не наука...

– Федька, ты сколько с ней прожил?

– Десять лет.

– Ты мудака! Слава богу, опомнился!

– Мудак, признаю, куда денешься. Но Верка была такая красивая... Она и сейчас... А с мамой до свадьбы не знакомила. Я бы не женился.

– А у тебя другая-то есть?

– Нет!

– А как же ты там, в своей глухомани?

– Да это как-то не проблема... баб везде хватает.

– Понял. Слушай, Федор, надо нам все же повидаться, поддать вместе, как в молодые годы...

– Да! Сколько мы не виделись? Года три?

– Примерно.

– Вот получу назначение во вторник, тогда и обмоем его.

– А что за назначение?

– Да наверху чего-то темнят, но явно с повышением. Тогда и обмоем, тем более, у меня будет две недели отпуска.

– Да? Это здорово! А давай вместе махнем куда-нибудь, как, бывалоча, на байдарках?

– Нет, друг, я в отпуске хочу цивилизации, я этой лесной романтикой сыт по горло!

– А вместе куда-то в цивилизацию махнуть?

– Я только за, но как же семья?

– А нет семьи больше. Тю-тю! Я теперь тоже холостяк!

– Как? Почему?

– А Женька, видите ли, не желает больше жить в нетолерантной России и свалила к мамаше во Францию.

– Сурово! А как же сын?

– Сын же у нее от первого брака. Я на него прав не имею.

Так что...

– Да, мужик, нам есть что обсудить, и за что выпить!

– За свободу, что ли?

– И это тоже! Короче, во вторник, как получу назначение, звоню тебе и мы забиваем стрелку!

– Заметано, старик!

...Поговорив с Ильей, Федор Федорович первым делом перевел крупную сумму на карточку жены с припиской: «Это на первое время».

В понедельник утром он, как обещал, заехал к Елизавете Марковне.

– Федор Федорович, голубчик, мне ей-богу неловко. Вы же наверняка занятой человек и тратите время на практически незнакому старуху.

– Начнем с того, Елизавета Марковна, что сегодня я свободен как ветер, но по крайней мере я смогу с легким сердцем отчитаться перед Юрой. К тому же вы вовсе не старуха.

– Вы так невероятно любезны...

– Да что уж такого невероятного? Смешно! Значит так, берите деньги и поедem. Вы уже решили, сколько вы хотите поменять на первое время?

– Думаю, долларов пятьсот, – как-то нерешительно проговорила Елизавета Марковна.

– Хорошо. С этого и начнем.

– Федор Федорович, вы что-то говорили про ячейку?

– Ну да.

– А из ячейки я смогу в любое время взять какую-то сумму?

– Совершенно верно. Но на вклад будут капать проценты, правда, совсем небольшие...

– Да бог с ними, с процентами...

– Как скажете! Значит, едем в банк!

Садиться в свою еще не проданную, но, как он считал, оскверненную машину Федор Федорович не пожелал, и потому с самого утра взял машину напрокат.

Они поехали в банк, он поменял деньги, вручил ей и сказал:

– Елизавета Марковна, у вас паспорт с собой?

– Да, разумеется.

– В таком случае идите вон к тому окошку, скажите, что намерены снять ячейку...

– А вы? – испуганно спросила она.

– А я подожду вас тут, на диванчике. Да не бойтесь вы, все нормально будет. А если что, позовите меня.

– А вдруг я чего-то не пойму?

– Все вы поймете, а если нет, вам разъяснят. Они заключат с вами договор на аренду ячейки, вы подпишите кое-какие бумаги, заплатите за аренду и вас отведут в хранилище. Вы положите деньги в ящик и все. Вам дадут ключи, которые надо будет хорошенько спрятать. Только и всего. Идите, я

вас буду ждать.

Елизавета Марковна нерешительно направилась к нужно-му окошку, а он сел на диванчик и достал телефон. Написал сообщение Коломенскому: «Юра, деньги передал. Часть по-мог поменять, а остальное будет в банковской ячейке. Тет-ка чудесная!» Ответ пришел через пять минут. «Спасибо огромное! Как дела?» «Завтра узнаю. Ушел от жены. Рад!» «Застал?» «Вычислил». «Будешь разводиться?» «Конечно!» «Молодец!» Какой же я идиот! Вот уже двое друзей одобря-ют этот мой шаг. А почему? Им со стороны было виднее...

Елизавета Марковна вернулась к нему, сияя.

– Все в порядке! Спасибо вам огромное, голубчик!

– Только заклинаю вас, ни одной живой душе не говорите про эти деньги и про ячейку.

– Ну конечно. Я же вижу по телевизору, как обманывают пожилых людей, как их лишают всего.

– И еще совет: если захотите купить что-то, сверх вашего обычного бюджета, лучше делать это не в соседних магази-нах.

– Господи, почему?

– А увидит кто-то, кому не следует.

– Боже, Федор Федорович, вы совсем меня запугали.

– Да нет, Елизавета Марковна, вы тогда лучше скажите мне, я приеду, помогу. Есть у вас какие-то первоочередные нужды?

– Да пожалуй нет. Но если честно, я бы хотела купить ма-

ленький телевизор на кухню. Я видела у соседей... – смущенно проговорила пожилая дама.

– Превосходно! Вот прямо сейчас поедem и купим! И я помогу вам его наладить!

– Господи, Федор Федорович!

Они поехали и купили маленький телевизор, потом он за-вез ее в ресторан, так сказать, обмыть покупку, хоть они ничего и не пили, а потом поехали к ней и он подключил теле-визор и наладил все нужные каналы. Пожилая женщина сияла.

– Федор Федорович, если бы мне кто-то еще неделю назад сказал, что я смогу еще чему-то в этой жизни радоваться, я бы не поверила. Но я радуюсь не деньгам, не новому телеви-зору, нет, я радуюсь тому, что на свете есть еще такие люди, как вы! Счастлива должна быть ваша жена...

И она выразительно посмотрела на обручальное кольцо, о котором он совсем забыл.

Он тут же снял его с пальца и сунул в карман.

– Я ушел от жены, просто забыл снять.

– Господи помилуй, простите ради бога мою невольную бестактность. А детки у вас есть?

– Дочка, восемь лет. Но ее так накрутили против меня... – горько произнес Федор Федорович. – Но я за нее еще побо-рюсь...

– У вас есть другая женщина?

– Нет. Зато у жены есть другие мужчины. Да ну, неохо-

та говорить об этом. Ну что, Елизавета Марковна, я наверное уже пойду... Вот вам все мои контакты, звоните в любое время без стеснения. И поверьте, для меня общение с вами, как глоток свежего воздуха!

И с этими словами он ушел.

Елизавета Марковна еще полчаса сидела в кресле, глубоко задумавшись, а потом позвонила подруге, с которой дружила с детства. Та тоже жила одна. И ближе друг друга у них никого не было.

– Зиночка, ты даже вообразить себе не можешь, что со мной случилось!

– Хорошее или плохое?

– Невероятное!

– Рассказывай!

Елизавета Марковна рассказала.

– С ума сойти! А сколько ему лет?

– За сорок.

– А как он выглядит?

– Он интересный, что называется, кряжистый мужик, широкоплечий, крепкий, руки такие здоровенные.

– Лысый?

– О нет! У него красивые волосы, что называется, соль с перцем, слегка вьющиеся, глаза такие умные, пронизательные, улыбка чудесная...

– Лизка, нешто ты влюбилась?

– Не смей меня, Зина! Просто когда тебе семьдесят два

года и ты считаешь, что на всем свете, кроме такой старой кошелки, как Зина, у тебя никого нет... Поневоле восхитишься таким вниманием. И обаянием. Но у тебя хоть в Австралии есть сын, а у меня... сама знаешь... – голос Елизаветы Марковны дрогнул. – Ты пойми, это ведь Паша договорился с другом, что тот не оставит его мать. И тот не оставил... А прислал ко мне этого Федора Федоровича, который оказался просто душа-человек!..

– Ладно, подруга, не вздумай плакать, хватит, отплакала уже свое.

– И ты знаешь, он мне признался, что буквально на днях ушел от жены.

– О! Лизаня, я знаю, чем тебе заняться – подыскивай ему новую жену!

– И где я должна искать? – фыркнула Елизавета Марковна.

– Вместе будем думать, скрести по сусекам...

Глава третья

– Ну, Федор Федорович, вижу, нравится тебе мое предложение.

– Нравится, не скрою! Хотя ответственность такая, что... И я чувствую, там еще разгрести и разгрести.

– Но ты же это умеешь, как никто! Зато и деньги совсем другие, а они лишними не бывают, у тебя семья...

– Погоди, Игорь Палыч, я хотел сказать... Ушел я из семьи-то...

– А мне что за дело? Парткомов нынче нету, живи как знаешь. А с квартирой что?

– Пока в гостинице, потом сниму что-нибудь.

– Нет, на такой работе мыкаться с жильем – последнее дело. Короче, раз так, выделим тебе ведомственную квартиру, но только на год. А за год ты уж как-нибудь устроишься. Ипотеку возьмешь или еще что... Квартира хорошая, новая, недалеко от офиса, пешком десять минут.

– О, это то, что надо!

– Смотреть квартиру будешь?

– Да зачем? Что мне одному-то надо!

– Тоже верно!

– Игорь Палыч, а может, я сразу на работу выйду?

– Нет уж, положен тебе отпуск, гуляй! Отдохни как следует, чтобы со свежей головой к новому делу приступить. Даже

не заикайся! Езжай куда-нибудь к морю. Если хочешь, путешеству тебе подберем...

– Да нет, спасибо, я уж как-нибудь сам.

– Ну, как угодно! Скажу тебе, Федор Федорович, я здорово рад, что ты возглавишь это направление, таких работников, как ты, поискать – не сыщешь! А главное, ты организатор, как говорится, божьей милостью.

– Спасибо, Игорь Палыч, захвалил! Неудобно даже.

– Ладно, не скромничай, небось и сам себе цену знаешь!

– Ну, мало ли кто как себя оценивает, а вот чтоб начальство тебя верно оценивало, это не часто бывает.

– Ну, все, Федор Федорыч, ступай в отдел кадров, а Валя, секретарша моя, тебе туда ключи и адресок доставит.

– Спасибо!

Они обменялись крепким рукопожатием и Федор Федорович ушел. Весьма и весьма довольный. За год я уж как-нибудь устроюсь с квартирой, а первое время, пока буду разбираться с делами на новом месте, прикидывал он, буду жить спокойно и ни о чем не думать.

Он созвонился с Ильей и они договорились встретиться вечером.

При встрече обнялись.

– Привет, дружище! Какой ты стал... матерый!

– Матерый? – засмеялся Федор Федорович.

– Ага! Именно! Просто богатырь!

– Меня одна дама недавно с Ильей Муромцем сравнила.

– И что за дама? – игриво улыбнулся Илья Станиславович.

– Ей семьдесят два, – лаконично ответил Федор Федорович.

Илья рассмеялся.

– Ну, друг, рассказывай!

– Что?

– Какие перспективы, что за работа?

– Перспективы – головокружительные, работа уж точно не для Ильи Муромца, а скорее для Геракла.

– Авгиевы конюшни разгрести?

– Да, но мне не впервой, потому и позвали. Платить будут как минимум достойно. Знаешь, Илюшка, я это люблю... Начинать на новом месте, наводить порядок, отлаживать механизм так, чтобы он работал как часы даже без моего участия. Понимаешь, я знаю точно, что я это могу! И за это стоит выпить!

– Ох как у тебя глаза блестят! А тебя не сожрут завистники?

– Попытаются! Всегда пытаются... Но они все, как правило, недостаточно компетентны, а в нашем деле некомпетентность очень быстро проявляется, и я умею ее распознать на раз. И безжалостно расстаюсь с такими типами. Так что, как видишь, пока не сожрали, авось и тут не сожрут. Я им не по зубам! И знаешь, Илюха, я признаюсь тебе, как старому другу: я даже рад, что все так вышло с семьей.

– Да погоди ты, вот прознает твоя женушка, как ты высоко

взлетел, приползет еще...

– Илюха, ты меня, выходит, совсем не знаешь! У меня нет значит нет!

– А с дочкой видеться будешь?

– Конечно! А как же! Я же хочу ее забрать...

– Да, Федя, ты силен! Куда девался тот парнишка из «Керосинки»...

– Ага, деревенский увалень.

– Да если б ты не сказал, что деревенский, я бы не поверил. Ты в нашей компашке был самым образованным и продвинутым!

– Потому что грызть гранит науки вползуба нельзя! Вот я и грыз...

– Да ладно, ты просто способный как черт!

– Серость непроцарапанная! – засмеялся Федор Федорович. – Ладно, что мы все обо мне да обо мне? Что у тебя-то, Илюха?

– Ну, что касается работы, все путем, клиентура хорошая, репутация – тоже, а с семьей... облом! Так что оба мы теперь холостяки...

– В жизни не поверю, что у тебя нет запасных вариантов!

– Беда в том, что любая более или менее сносная баба непременно через два-три месяца заговаривает о браке, а этого я не хочу.

– Да, понимаю... А чего все-таки с Женей-то вышло? Нешто так ее недостаток толерантности замучил? Или там

кто-то затесался?

– Да явно затесался кто-то супертolerантный. Да нехай. Баба с возу...

– Кобыле, конечно, легче, – усмехнулся Федор Федорович, – а жеребцу?

– Ну, Федька, ты даешь! – фыркнул Илья Станиславович. – А жеребцу вольготнее, когда баба с возу! А ты куда это пялишься, старик? Ох, нет! Это негодный товар!

– Почему? Очень даже аппетитненькая...

– Ты спятил? У нее же сиськи силиконовые!

– С чего ты взял?

– Да она вся ненатуральная, губы накачанные, сиськи тоже. Фу! Я знаю таких... Пробовал, гадость! Баба должна быть натуральной.

– Вообще-то я согласен.

– Знаешь, я однажды летел из Женевы, так у одной девицы в самолете силиконовая сиська лопнула... Визгу было!

– Ой, жуть какая! – поморщился Федор Федорович. И даже поежился.

– Ну, Федь, а что насчет отпуска? Дают тебе?

– Дают!

– Федь, есть предложение!

– По поводу отпуска?

– Ну да! А слабо полететь на Кубу?

– На Кубу? – крайне удивился Федор Федорович. – Зачем?

– Там такая рыбалка! Я был там в позапрошлом году, здо-

ровущего марлина поймал, и вообще... Сказка!

– Там купаться-то можно?

– Райское купание!

– Погоди, а марлин... это что-то из Хемингуэя?

– Точно! Любишь старика Хэма?

– Да не особенно! Но... Ладно, на Кубу так на Кубу!

– Федька, уважаю! Я сию минуту этим займусь!

И Илья углубился в свой айфон.

А Федор Федорович подумал: улететь на другой край света вдвоем со старым другом, купаться в океане, ловить рыбу – что может быть лучше перед началом новой жизни!

– Ну, Федор, порядок! Летим через пять дней, рейс Москва – Гавана, отель я заказал тот, где был в прошлый раз.

– Илюха, а что надо брать с собой?

– Да что вздумается... плавки, шорты, шлепанцы какие-нибудь, на голову что-то, чтоб не напекло... Ты что, никогда на курорты не ездил?

– Да ездил, будь они прокляты! Верка заставляла меня вечером галстук надевать.

– Галстук? Нет, Федя, галстуки брать не надо!

– А снасти?

– Это моя забота, ты ж в них, насколько я понимаю, ни хрена не смыслишь?

– Правильно понимаешь!

– Вот за что люблю тебя, серость ты непроцарапанная, за умение принимать скорые решения! Это класс!

Федор Федорович наведлся в свое новое жилище. Квартира была совершенно необжитая. Ладно, обживу, когда вернусь с Кубы. Надо же, Куба... Сразу вспомнилась старая песня «Куба далеко, Куба далеко, Куба рядом, это говорим, это говорим мы!»

На другой день Федор Федорович решил позвонить дочери по скайпу. Но она не ответила. Странно, раньше она обожала эти разговоры с отцом. Уж не заболела ли? Или просто не слышит? Он подождал четверть часа и позвонил снова. Все то же. Тогда он позвонил на дачный телефон. Там абонент не определялся.

– Алло! Слушаю! – узнал он голос тещи. Его передернуло.

– Добрый день, Калерия Степановна. А где Сашка, почему к телефону не подходит?

– А не хочет! Не желает она с тобой, прохиндеем, разговаривать! Ишь чего надумал – жену с ребенком бросить, кусик чертов! Ты чем думаешь вообще?

– Калерия Степановна, – сквозь зубы процедил Федор Федорович, – я не желаю выслушивать ваши хамские выпады, вы всегда считали, что я недостойн вашей прекрасной дочери, так радуйтесь, что она, наконец, освободилась от меня, она теперь вольна привести в дом любого, меня это уже не колышет, но с дочерью я буду общаться, если не хотите мирным путем, что ж, будем воевать, только это вам вряд ли выгодно. Я в любом случае буду давать деньги на дочь, но уж

субсидий на вольную жизнь ее мамыши не будет.

– Это ты что сейчас сказал?

– По-моему, ясно: если мне будут чинить препятствия и не давать общаться с дочерью, то денег, кроме как на содержание Шурки, больше не будет.

– А кто тебе сказал, кукусик, что мы будем чинить препятствия? Даже не собираемся! А Сашка сейчас в огороде с подружкой сюсюрится!

– Так позовите ее, уж будьте так любезны!

– Сейчас позову!

– Я перезвоню через пять минут на ее телефон!

– Как хочешь!

Да, прав Илюха, тут ключевое слово – деньги. И слава богу! К счастью, они не знают, сколько я буду получать на новом месте, а то аппетиты так могут возрасти... Ну да ничего, я все равно заберу Шурку!

Он снова набрал номер дочери. На сей раз она ответила. Но радости на ее мордашке не было. Она смотрела на отца исподлобья.

– Привет, солнышко!

– Здравствуй!

– Ну как ты?

– Плохо!

– А что такое?

– Меня папа бросил!

– Папа тебя не бросил. Ты решительно отказалась ехать со

мною на море, наслушавшись всякой чепухи. Но я все равно никогда тебя не брошу, а с мамой мы расстались. Я через четыре дня уезжаю очень далеко и хотел бы повидать тебя. Если хочешь, могу хоть сегодня приехать за тобой, поедem куда захочешь, в парк на аттракционы. Или ты хотела в планетарий, я помню?

– Расхотела!

– А куда ты хочешь?

– В океанариум, к акулам!

– Ну, к акулам так к акулам! Я готов. А потом пойдem в кафе. Ты же любишь ходить в кафе...

– Только я должна спросить у бабушки...

– Спроси.

Разрешение было получено. Деньги для бабушки превыше всего!

Глава четвертая

Они встретились с Ильей, чтобы обговорить все, за сутки до вылета.

– Сколько туда лететь-то? – спросил Федор Федорович.

– Часов двенадцать с хвостом.

– Ох, грехи наши тяжкие, – вздохнул Федор Федорович. –

Ну ничего, я умею спать в самолете, привык далеко летать.

– Федя, я вот тут составил список самого необходимого.

Постарайся ничего не забыть, там лучше ничего не покупать.

Враз облапошат, да так мило и весело, что и не заметишь!

Федь, а ты чего кислый какой-то...

– Да с дочкой встречался.

– И что?

– Знаешь, раньше она всегда радовалась, когда мы с ней вдвоем куда-то ходили или ездили, а тут... вся какая-то надутая и как будто настороженная...

– Понятное дело, ее там против папаши насюсюрили как следует.

– Я никак не мог к ней пробиться. Раньше мы с ней болтали часами, она говорила, как со мной хорошо, я на любой вопрос могу ей ответить, а тут... Ни о чем не спрашивала, будто какую-то повинность отбывала. Боюсь я за нее.

– Федя, будь реалистом. Забрать ее сейчас ты не можешь в силу самых разных обстоятельств, а влияние двух таких

скверных баб вполне предсказуемо. А ты говорил ей, что собираешься в будущем ее забрать?

– Не говорил. Только спросил, хотела бы она в принципе жить со мной.

– А она что?

– Спросила: а кто будет меня воспитывать? И кто будет кормить? Какая-нибудь чужая тетка, которая запросто меня отравит.

– Тьфу ты! Федь, ты сам виноват!

– Да знаю... Надо было уходить, когда она еще была несмышленная... А я... Взбеленился, когда в своей драгоценной тачке запах чужого мужика учуял. Но это была последняя капля. Знаешь, если бы я просто на побывку приехал, ничего бы не произошло. Я всегда весь в своей работе, в делах, а тут перерыв образовался... Идиот я, болван конченный...

– Ничего, Федя, встретишь ты еще нормальную женщину.

– И что? Будет с кем трахаться без проблем?

– Ты циник, Федя! Нет, нормальная женщина умеет не только дать мужику, но и дать ему ощущение уюта, семьи, крепкого тыла...

– Илюха, это все в теории. Вот у тебя есть такая женщина?

– Чего нет, того нет, но я понимаю, к чему надо стремиться! – засмеялся Илья.

– Ну, с твоей подачи, пожалуй, и я это понял, – грустно улыбнулся Федор Федорович.

– Не дрейфь, дружище! Полетим на Кубу и там все горести вылетят из головы.

Они договорились встретиться в Шереметьеве. Федор Федорович поехал домой, собирать чемодан. Вещи свои он забрал из квартиры, где, слава богу, не столкнулся с женой. Но встреча с дочерью тяжким грузом лежала на душе. Я, кажется, первый раз в жизни не знаю, что мне делать. Черт-те что! Он уже подходил к подъезду, как вдруг его окликнул женский голос.

– Простите ради бога! Вы случайно не видели собаку, такую большую, рыжую, несказанной красоты?

– Несказанной красоты? – улыбнулся он.

– Да! Он убежал... я бегаю, кричу-кричу, а его нигде нет...

Женщина показалась ему довольно невзрачной, впрочем она была заплакана, губы дрожали.

– Давно пес удрал?

– Да уж часа два...

– У него есть вообще такая привычка?

– Да нет, в том-то и дело! Он еще молодой, и всегда был такой послушный... Мы его спокойно спускали с поводка. Он никогда далеко не уходил... – рыдала женщина. – Господи, что же мне делать?

– Суду все ясно. Он просто учуял течную сучку и дунул за ней. А в какую сторону он побежал, вы заметили?

– Да, вон туда, но там парк... ночью страшно...

– Ну вот что, пойдёмте туда, со мной вам не страшно?

– Господи, с вами нет, не страшно почему-то, – сквозь слезы улыбнулась женщина. – И вы пойдёте искать чужую собаку?

– Пойду, очень охота взглянуть на пса несказанной красоты. А как его зовут?

– Апельсиныч!

– Как? – не поверил своим ушам Федор Федорович.

– Апельсиныч, – смущенно повторила женщина. – Понимаете, он такого апельсинового цвета... Мне ужасно нравится это имя, только вот звать его неудобно, люди на меня как на сумасшедшую смотрят.

– И мне нравится... Апельсиныч... Нежно и оригинально.

– Вы и правда так считаете?

– Святой истинный крест!

Они вошли в парк.

– Вы с ним здесь гуляете?

– Гуляю, только утром. Вечером я боюсь.

– И это правильно. У вас есть постоянный маршрут?

– Да. Вы думаете...

– Я предполагаю. Пойдёмте тем же путем.

Они пошли по аллее, время от времени женщина кричала как-то робко:

– Апельсиныч! Апельсиныч!

– Стоп! – скомандовал вдруг Федор Федорович. – А это часом не ваш Апельсиныч лежит? – испугался вдруг Федор

Федорович. Что если собаку убили? – Погодите, стойте тут, я сам!

Женщина замерла, в ужасе прижав ладонь к губам.

Федор Федорович в несколько прыжков оказался возле куста. Пес даже головы не поднял. Он спал крепким сном.

– Апельсиныч! – позвал он.

Пес поднял голову и вскочил, но Федор Федорович успел схватить его за ошейник.

– Поздравляю, брат, ясно, догнал ты сучку... Ну, пошли, вон хозяйка твоя уже бежит!

– Господи, спасибо вам, ты что, противный, разве так можно?

– Можно, – засмеялся Федор Федорович, – знаете ли, первый сексуальный опыт часто сбивает с ног. Он дрых так крепко, что легко подпустил меня к себе. А впрямь красив невероятно! И имя Апельсиныч ему очень идет, только придется вам его помыть.

– Да господи, счастье-то какое! Ох, а я даже не спросила, как вас зовут.

– Федор Федорович, а вас?

– Бэлла. Бэлла Михайловна.

– Очень приятно!

– Спасибо вам, Федор Федорович, у меня просто слов нет...

– Да ладно, рад был помочь! А пес у вас чудесный. Это какая-то порода?

– Да нет, так, двор-терьер! Муж хотел его Лисом назвать, но я настояла на Апельсиныче.

– И правильно! Лисы – они какие-то неприятные звери, у них выражение морды хищное, а у этого, можно сказать, благородный лик!

– Любите собак?

– В общем да. Но у меня никогда собаки не было...

Собака! Надо будет завести собаку, – радостно соображал Федор Федорович, вот вернусь с Кубы... Все не так одиноко будет, но, с другой стороны с собакой надо гулять как минимум дважды в день... Ничего, утром встану пораньше, не проблема, буду с ней бегать в парке, и вечером... А если командировка? Ничего, найму кого-нибудь, чтоб гуляли... И домработницу, кстати, надо будет найти, такую, чтоб гуляла с псом... И щенка брать нельзя, с ними возни не меньше, чем с младенцем, просто поеду на Птичий рынок или, еще лучше, в приют... Ох, хорошо... заживу... Так, в мечтах о собаке, он уснул. А утром улетел на Кубу.

Ах, как хорошо вдруг улететь за тридевять земель вдвоем со старым другом, в совершенно новую реальность, где вдруг получилось ни о чем не думать, ни о работе, ни о разрушенной семье, и мечты о собаке отошли даже не на второй, а на... пятый план! Федор Федорович радовался как ребенок!

– Ох, Илюха, спасибо тебе, друг, я так отдохнул, как будто заново родился! И сил набрался, кажется, горы могу свер-

нуть! – говорил он Илье в последний их кубинский вечер.

– А какие горы? Уральские? – усмехнулся Илья. – По-моему, их ты и до Кубы запросто свернул бы...

– А сейчас – Гималаи! – расхохотался Федор Федорович.

– Ну ты и наглец!

– К сожалению, в моей работе наглость – одно из необходимых качеств.

– А я думал, что в моей! – улыбнулся адвокат Илья.

Глава пятая

Прошло два месяца. Федор Федорович был так занят, что времени ни на что не оставалось. Какая там собака! Он успевал только изредка звонить дочери и с каждым разговором все отчетливее понимал, что теряет ее. Однажды он все же сумел вытащить ее и повел в кукольный театр, где она сидела с недовольной миной, а потом они пошли в кафе. Но он никак не находил с ней общего языка. Отвезя девочку домой, он решил – пора действовать. Надо подать на развод! Илья порекомендовал ему адвоката, ушлую пожилую даму Анну Валентиновну, которая сказала ему примерно то же, что в свое время Илья. Проблем с разводом не будет, поскольку он все имущество оставил супруге.

– А вы сохранили квитанции о переводе денег?

– Да, разумеется.

– Тогда, повторяю, проблем с разводом не будет, а вот с правами на ребенка... Пока шансов мало. Только если у вас есть компромат на супругу.

– Да нет никакого компромата!

– Ну, насколько я поняла, у вашей супруги, скорее всего, есть компромат на вас...

– Какой компромат? Откуда?

– Ну, было бы желание, а компромат на мужа, который месяцами не жил дома, всегда можно нарыть...

– Понимаю, да. Она же тоже наймет адвоката... И он что-то да нароет...

– Вы же не монах! – тонко улыбнулась Анна Валентиновна. – А там уж как это все подать... Но одно хорошо, противная сторона о ваших намерениях не подозревает?

– Нет!

– Короче, пока только один совет – наберитесь терпения... Устраивайте свою жизнь, приобретите собственное жилье, если возможно, женитесь, пусть даже фиктивно.

– А без женитьбы нельзя?

– На худой конец можно, однако в семью ребенка легче забрать. Вы на развод уже подали?

– Пока нет. Со временем зарез...

– Тогда лучше повремените. И регулярно давайте деньги. Ваша супруга успокоится. И еще – установите за женой негласное наблюдение...

– Слежку что ли? – вскинулся Федор Федорович.

– Ну да, это может очень пригодиться в дальнейшем.

– Нет, не хочу! Это гадко, – брезгливо поморщился Федор Федорович.

– Ох уж эти мне порядочные люди! – шутливо посетовала адвокатесса.

После встречи с нею Федор Федорович позвонил Илье.

– Ну что? – спросил тот.

– На хрена мне нужна была эта тетка! Она сказала ровно все то же, что и ты в свое время. Практически слово в слово!

– Да я думаю, любой разумный человек даже без юридического образования сказал бы тебе то же самое, – хмыкнул Илья, – но ты привык доверять профессионалам.

– Ну и как быть?

– Знаешь, Федька, я думаю, надо просто смириться. Твой образ жизни не предполагает нормального воспитания ребенка, и, боюсь, никакой суд не решит дела в твою пользу, если только ты не обольешь супружницу и ее мамашу грязью, а ты этого не сделаешь, и потом, что, собственно, ты можешь предъявить им? Кукусиков и сюсюриков? Смешно, ей-богу. Ты мог бы рассчитывать на горячую любовь к тебе ребенка, но, похоже, этой любви и в помине нет?

– Похоже на то... И что ты хочешь сказать, что я проморгал свою дочь?

– Боюсь, что так. Ты всегда делал выбор в пользу работы, и не мог не понимать, что кукусики и сюсюрики окажут воздействие...

– То есть ты хочешь сказать, что я кругом болван?

– О нет, не кругом! Ты умнейший мужик, талантливый, но одержимый работой. У тебя была семья... ты жил себе и жил... И, может, прожил бы до старости... Но вдруг тебя что-то торкнуло, глаза и уши открылись... Ищи-ка ты, Федя, себе хорошую бабу, женись, роди ребенка, теперь ты, похоже, уже осел в Москве... А с Шуркой будешь видеться, воскресный папа, так сказать. Может, с годами девчонка сама многое поймет, и еще посмеется над сюсюриками...

– Дай-то бог... – проговорил убитым голосом Федор Федорович.

– Федор Федорович, – сказала ему немолодая, но исключительно толковая секретарша Елена Матвеевна, – вам необходимо сделать нотариально заверенную копию паспорта.

– Хорошо, сделаю, – кивнул он.

– Давайте мне паспорт, я сделаю ксерокопию, а вам останется только наведаться к нотариусу. Здесь, на третьем этаже, есть нотариальная контора, мы пользуемся их услугами, я вас запишу, и у вас это займет максимум десять минут.

– Ох, спасибо, Елена Матвеевна, что бы я без вас делал! – Федор Федорович приложил руку к сердцу.

– А я вам, Федор Федорович, признательна за то, что не выгнали меня на пенсию, как мне многие тут предрекали.

– Серьезно? Они думали, я возьму на ваше место юную красотулю?

– Люди стандартно мыслят.

– Ну и бог с ними. Просто нам с вами обоим повезло, так ведь?

– Кажется, да! – широко улыбнулась Елена Матвеевна.

Он спустился на третий этаж высотки, в которой его контора занимала целых четыре этажа. Походил по коридорам в поисках нотариальной конторы. Ага, вот она! Там ожидало своей очереди человек пять.

– Будете за мной! – сказала толстая тетка, вся обтянутая

люрексом.

– Но я записан ровно на одиннадцать! – возразил Федор Федорович.

– Мы все тут записаны. Но обычно у них два нотариуса, а сегодня только один.

В этот момент на пороге возникла элегантная дама лет пятидесяти:

– Господа, прошу вас, не волнуйтесь! Всех примем, простите, но у второго нотариуса сердечный приступ. Сами понимаете, она работать сегодня не в состоянии. Тут кто-то по наследственным и имущественным делам, а кому-то просто нужно заверить документы, это пять минут. Не сердитесь, в жизни такое случается... Кому заверить что-то?

– Мне! Я на одиннадцать!

– Что у вас?

– Вот!

– О! У вас уже готовая копия? Это минутное дело!

Люди в очереди притихли. А этот дядька, с копией паспорта, видно, какой-то большой начальник, но ведет себя прилично, пальцы не гнет...

Федор Федорович, дожидаясь лифта, вдруг вспомнил, что в доме, где жила Елизавета Марковна, тоже есть нотариальная контора. Как стыдно, я совершенно забыл о ней! Вот замотался. И он вытащил из кармана телефон.

– Елизавета Марковна, дорогая, простите меня!

– Федор Федорович, вы?

– Я! Вы позволите пригласить вас сегодня поужинать со мной?

– Ох нет, сегодня никак не получится, может, в другой раз...

– У вас что-то случилось?

– Нет-нет, просто должна пойти к соседке на день рождения. Только и всего. А как вы, Федор Федорович, дорогой вы мой? Как ваша новая работа?

– Ох, работа интересная, но занимает практически все время, вздохнуть некогда.

– Простите, дорогой мой, за бестактный вопрос: вы вернулись в семью?

– Нет. Живу бобылем. Но в данной ситуации это даже неплохо. Никто ничем не попрекает.

– А дом кто ведет?

– Да пока никто, ищу домработницу, но даже на это времени нет.

– Федор Федорович, кажется, я могла бы вам помочь. У меня есть знакомая, она превосходная хозяйка, не так давно вышла на пенсию, но сами понимаете, на это жить трудно, и она хотела бы...

– Господи, Елизавета Марковна, я был бы вам по гроб жизни обязан! – взмолился Федор Федорович.

– В таком случае, голубчик, приезжайте ко мне завтра вечером, я вас познакомлю. Я за нее могу ручаться, как за себя, это в высшей степени достойная женщина...

– Буду! – воскликнул Федор Федорович. – Часов в восемь, это не поздно?

– Да нет же! Приезжайте! Я покормлю вас ужином...

– Ох, спасибо!

– Надеюсь, вы договоритесь с Танечкой.

– Договоримся, я уверен!

Татьяна Андреевна оказалась очень милой и даже миловидной женщиной с доброй и чуть смущенной улыбкой. Но Федор Федорович ей сразу понравился. Он обещал платить ей вдвое больше того, что она запросила.

– Ох, это много... – смутилась она.

– Скажите, а как вы относитесь к собакам?

– У вас есть собака?

– Нет пока, но я мечтаю завести, однако гулять с ней смогу только утром и поздно вечером. Вы согласились бы выводить ее днем?

– Я люблю собак, у меня тоже был пес... Он попал под машину... А другого не хочу! А вы хотите какую-то определенную породу?

– Да нет... Просто хочу собаку, у меня никогда не было собаки...

– Федор Федорович, вас сам бог послал! – воскликнула вдруг Татьяна Андреевна, молитвенно сложив руки. – У моей старшей сестры погибли сын и невестка, а у них осталась собака, чудесная, умная, красивая, а сестра с ней не справит-

ся, она не умеет с животными, а уж теперь, когда так убита горем... Умоляю, возьмите этого пса!

– А что за пес-то? – живо заинтересовался Федор Федорович.

– Сейчас вам покажу!

Женщина вытащила телефон, довольно долго искала что-то.

– Вот, гляньте!

– Апельсиныч? Его зовут Апельсиныч? – воскликнул Федор Федорович.

– Вы его знаете? – потрясенно проговорила Татьяна Андреевна.

– Погодите-ка, Бэлла Михайловна погибла?

– Вы ее знали?

– Собственно, нет, не знал, просто однажды помог ей искать этого самого Апельсиныча... Ох, горе-то какое... Ее муж был вашим племянником?

– Двоюродным. Но он был плохой человек.

– Таня, нельзя так о покойнике! – воскликнула Елизавета Марковна. – Но какое совпадение!

– А дети там остались?

– Не было у них детей, он ни за что не хотел, все Бэлле говорил – хватит с тебя собаки...

– Я возьму! Возьму Апельсиныча... – страшно воодушевился Федор Федорович. – Готов хоть сейчас за ним ехать! Это такой пес!

– Сейчас не нужно, он пока за городом, у Бэллочкиных знакомых, но они не хотят его оставлять... Я сейчас им позвоню и договорюсь, когда лучше за ним приехать. А я буду с ним гулять, не сомневайтесь, я умею с собаками!

Татьяна Андреевна вышла из комнаты и позвонила куда-то. Вскоре она вернулась.

– Ох, они обрадовались! Если можно в субботу?

– Да, хорошо, вы со мной поедете?

– Ну конечно, Федор Федорович, а завтра я уже могу прийти к вам, ну там убраться, сготовить... И списочек вам напишу, что надо для собаки...

– Да-да, прекрасно, моя секретарша все закажет, у меня даже на это времени в будние дни нету. Сможете завтра приехать к восьми? Я вам все покажу...

– Елена Матвеевна, не считите за труд, закажите мне все по этому списку и пусть доставят прямо сюда.

– Федор Федорович, вы что, собаку купили? – поразились секретарша.

– Не купил, а усыновил сироту. Хозяева погибли...

Но тут зазвонил телефон и он, ничего не объяснив, с головой погрузился в дела.

Усыновил осиротевшую собаку... Похоже и впрямь хороший человек, а что иной раз устраивает такие разносы сотрудникам и партнерам, что те выходят от него бледные или, наоборот, багровые, это нормально. Руководитель отлажива-

ет разболтавшийся механизм управления.

Поздно вечером Федор Федорович вернулся в чисто убранную квартиру. На плите его дожидался ужин.

Черт возьми, хорошо! А в субботу тут будет Апельсиныч! Ох, кажется я радуюсь чужому горю! А ведь у Апельсиныча тоже горе. Мы с ним оба сироты... вдруг пожалел себя Федор Федорович. Он поел, все было вкусно. Убрал посуду и подошел к окну. Осень. Еще не золотая, но... Скоро зима. Он не любил зиму. Он остался сиротой в десять лет. Отца он вообще не знал, а мать спилась и умерла от воспаления легких. Его приютила учительница русского и литературы, Агния Петровна. Он был ее любимым учеником. Учился блестяще, окончил школу с золотой медалью и легко поступил в Керосинку. Агния Петровна безмерно им гордилась. Но и она умерла, когда он был уже на третьем курсе. У него была комната в коммуналке, куда он и вернулся после смерти Агнии Петровны, так как на ее квартиру претендовала ее сноха, вдова умершего сына. Ему предлагали остаться на кафедре, защитить диссертацию, но он решил, что надо сперва научиться зарабатывать деньги, и уехал в Когалым, который только еще начинал развиваться. Там он пришелся ко двору и быстро пошел в гору. Толковый, хорошо разбирающийся в людях, к тому же отличный организатор, он пользовался расположением большого начальства, да и женщины ему благоволили. Настоящий мужик, так говорили о нем. Но он

был одержим своим делом, и легко защитил кандидатскую. А потом уж и докторскую. Будучи еще кандидатом технических наук, он в командировке познакомился с красавицей Верой. Она умела нравиться, была неглупа и могла сделать честь любому мужчине, так ему тогда казалось. И через полгода он сделал ей предложение. Оно было принято. Он купил в Москве хорошую квартиру, и они зажили. Но через год из Хабаровска приехала теща, Калерия Степановна, и он пришел в ужас! И быстренько купил небольшой дачный домик: теща жаждала развести огород.

– Вот хорошо, зятек, буду в огороде сюсюриться, свежими овощами жену твою кормить, пока ты там в глуши вкальываешь. Она скоро небось тебе наследника родит. На овощах и фруктах без нитратов здоровое потомство-то будет, кукусик!

Однажды он случайно услышал разговор матери с дочерью:

– Верунчик, ты куда это намылилась?

– На банкет! Федя докторскую защитил...

– Да ты что! И как ему, серости непроцарапанной, удалось? Небось заплатил кому надо. И что ты в нем нашла, дурища? Вон Севка твой каким артистом стал! Это я понимаю... А Федя твой... Одно слово, кукусик!

В первый момент он на эту «серость непроцарапанную» обиделся, но тут же ему стало смешно, тоже мне дама из высшего общества! А вот кукусики и сюсюрики раздражали его до зубовного скрежета. Но так как в Москве он бывал неча-

сто и не подолгу, то научился просто не обращать на тещу внимания, тем более что, когда родилась Шурка, помощь тещи оказалась весьма кстати. Но сейчас он отчетливо понял, что, собственно, потерял ребенка. Шурка сама не захочет жить с ним, ее так настроили. Видимо, придется смириться с ролью воскресного папы, как это ни печально...

В пятницу он задержался на работе допоздна. Было уже около одиннадцати, когда он опомнился. Почти все сотрудники разошлись, в том числе и Елена Матвеевна. Так не годится, ведь завтра у меня поселится Апельсиныч, и нельзя заставлять пса мучиться до поздней ночи. Он встал, потянулся, выпил остывший чай и подошел к окну. За окном растянулась ночная Москва. Вид с шестнадцатого этажа открывался потрясающий. Черт, днем даже в окно взглянуть некогда. Вон на какую высоту забрался Федька-приемыш! Так его дразнили в школе, впрочем, его это не задевало. Еще его звали зубрилой, хотя он никогда ничего не зубрил, все ему давалось слету! Но зато бил морды обидчикам, за что ему здорово влетало от Агнии Петровны. Вот она бы сейчас мной гордилась! И, я уверен, не осудила бы меня за уход из семьи. Ну ладно, пора домой! Благо, тут десять минут пешком. Новая машина, опять «Вольво», большую часть времени стояла в гараже, он еще не успел полюбить ее, как ту, прежнюю, оскверненную...

Федор Федорович волновался. Как его примет осиротевший пес?

Приютившая его женщина сказала:

– Ох, хорошо, что вы его заберете, а то я и не знаю, что с ним делать, лежит целыми днями у крыльца, не ест, только воду пьет, нос горячий, отошал совсем, бедолага...

– Апельсиныч! – негромко позвал Федор Федорович.

Пес даже головы не поднял.

Тогда Федор Федорович подошел к нему, присел на корточки, погладил, почесал за ухом.

– Апельсиныч, здравствуй! Ты меня не помнишь? Подымайся, брат, поедем ко мне жить, что ж делать, такое горе, я понимаю, но жить-то все равно надо, ты молодой еще совсем. Погоревал и будет. Ну как, поедешь ко мне?

Пес вдруг поднял голову и посмотрел на нового хозяина. Кажется, он за мной приехал, кажется, он добрый, и совсем неопасный... Наверное стоит взять его в хозяева. Он большой, в обиду не даст и голодным не оставит... А я такой голодный... Ой, а он уже дает мне что-то вкусное... Оно так пахнет...

И Апельсиныч взял с ладони нового хозяина кусочек вареного мяса, припасенного Татьяной Андреевной.

– Ах ты милый! – обрадовался Федор Федорович. – Вот, возьми еще!

Пес поднялся, сел и внимательно посмотрел в глаза нового хозяина. И ткнулся носом ему в ладонь. Федор Федорович

не удержался и поцеловал пса в пыльный лоб. Надел ему поводок. Апельсиныч попил воды из миски и вздохнул. Мол, я готов!

– Ну надо же, сразу вас признал! – обрадовалась хозяйка дома. – Вот спасибо вам!

Татьяна Андреевна не поехала с ними, осталась погостить. А Апельсиныч уселся на переднее сиденье. Ему понравилась машина, в ней не пахло ничем противным, ни сладкими духами, ни пивом... И от нового хозяина пахло приятно. Кажется, мне с ним будет хорошо...

Глава шестая

– Скажи, Матвевна, а что это у Свиридова на столе стоит фотка собаки, а не жены или любовницы? – спросила любопытная уборщица тетя Клава.

– А вот затем, чтобы все, кому не лень, свой нос в его дела не совали.

– А у него жена-то есть?

– Это не мое дело! И уж тем более не твое!

– Да ладно тебе, Матвевна, все равно ж рано или поздно все узнают. Только, может, он больной? Почитай уж полгода тут работает, а еще ни одну бабенку не оприходовал. А девки на него заглядываются...

– А теперь, Клава, опасно с девками на работе дело иметь, засудить могут... Все, убрала – и иди с глаз долой!

– Да иду, иду!

В самом деле, личная жизнь начальника живо интересовала женскую, правда, немногочисленную, часть коллектива. Сведения о ней были столь скудны, что не давали пищи для пересудов. Был женат, есть дочь, живет один в ведомственной квартире, собака у него с дурацкой кличкой Апельсинч, вот и вся информация...

Наступила зима, Федор Федорович буквально света белого не видел. Жизнь была расписана по минутам. Перевести

дух удавалось только на прогулках с Апельсинычем. Он здорово привязался к собаке. И Апельсиныч тоже беззаветно полюбил нового хозяина. А какое счастье валяться в снегу, повизгивая от удовольствия, и видеть, как смеется хозяин. Обычно они гуляли рано утром и поздно вечером, а днем его выводила добрая женщина Татьяна Андреевна. По воскресеньям к хозяину приходила его дочка, и Апельсинычу казалось, что хозяин как-то заискивает перед нею, как-то суетится, что ли... А девочка Апельсинычу не нравилась, и хозяин в такие минуты тоже не нравился. Неправильно ведет себя. Иногда они ходили гулять втроем, и эти прогулки Апельсиныч не любил. Предпочитал, чтобы они куда-нибудь уходили вдвоем, а его оставляли дома. А когда хозяин возвращался один, пес радовался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.